

**«Слово благодарственное
на освящении Академии художеств»
М.В. Ломоносова и «Медный всадник»
А.С. Пушкина: описание городского пространства**

© Е. М. МАТВЕЕВ,
кандидат филологических наук

В настоящей статье вступление к пушкинскому «Медному всаднику» сопоставлено со «Словом благодарственным на освящении Академии художеств» М.В. Ломоносова (1764, опубл. в 1871), которое ранее напрямую с пушкинской поэмой не сравнивалось. Сопоставительный анализ позволяет увидеть, как вступление к «Медному всаднику» сохраняет «риторический каркас» композиции городского панегирика, которая была выработана русской литературой XVIII века с опорой на классическую риторику.

Ключевые слова: Ломоносов, ораторская проза, Пушкин, Медный всадник, петербургский текст.

DOI: 10.31857/S013161170001610-0

My paper focuses on the comparison of *descriptio urbis* in «Medniy vsadnik» by A.S. Pushkin and «Slovo blagodarstvennoe na osvyashchenii Akademii hudozhestv» by M.V. Lomonosov (1764, published 1871) – an oratorical speech in which specifically Petersburg topics was formed. Such comparison seems to be relevant because, when analyzing the connections of «Medniy vsadnik» with 18th century Russian literature, scholars usually limit them to poetic tradition leaving aside the tradition of oratorical prose. The analysis revealed a special rhetorical framework which allows us to see the dialogue between Pushkin and 18th century Russian panegyric literature.

Keywords: Lomonosov, oratorical prose, Pushkin, «The Bronze Horseman», Petersburg text.

В 1764 году М.В. Ломоносов написал свое последнее ораторское произведение — «Слово благодарственное на освящении Академии художеств». Оно было приурочено к планировавшейся инаугурации петербургской Академии художеств, то есть своего рода ее повторному торжественному

открытию Екатериной II, которая утвердила устав и регламент этого учреждения.

Слово выстроено по всем правилам панегирического искусства. Во вступлении автор восхваляет императрицу, радеющую «о благоденствии общества» и пекущуюся «о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важного учреждения». Далее говорится о той пользе, которую может принести России «трудолюбие художеств» — «архитектурного искусства», «скульптурного искусства», «живописных хитростей» [1. С. 735–736]. В центре ломоносовского слова — два панегирика, панегирик российскому народу нового времени, который «яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия» (С. 737), и панегирик Петербургу, один из самых ярких примеров петербургского панегирика XVIII века. Комментаторы академического полного собрания сочинений Ломоносова дают следующую характеристику ломоносовскому панегирику Петербургу: «Это замечательное описание Петербурга при всей своей риторичности полно такой искренней любви к городу, где прошла вся зрелая жизнь Ломоносова, что может сравниться в этом отношении с посвященными той же теме знаменитыми строфами “Медного всадника”» (С. 168). Действительно, сопоставление с «Медным всадником» напрашивается само собой, но не столько благодаря «искренней любви» к городу, сколько благодаря определенным риторическим моделям, которые присутствуют в обоих текстах.

В данной статье сопоставлены ломоносовский панегирик Петербургу и вступление к пушкинскому «Медному всаднику». Актуальность такого сопоставления связана с тем, что, выявляя связи «Медного всадника» с литературной традицией XVIII века, исследователи, начиная с классической статьи Л.В. Пумпянского 1939 года «“Медный всадник” и поэтическая традиция XVIII века» [2], как правило, ограничивались поэтической (прежде всего одической) традицией, в то время как позднейшие исследования (в частности книга Р. Николози «Петербургский панегирик XVIII века» [3]) показали, что ораторская проза в формировании образа Петербурга в русской литературе играет не менее важную роль, чем ода.

Рассмотрим сходные элементы двух текстов в том порядке, в каком они встречаются у Ломоносова и Пушкина.

1. В начале обоих фрагментов помещено описание географического положения Петербурга. В это описание включено два повторяющихся компонента: *море* и *Европа*. У Ломоносова: «На западе разливается море, отверзая ход во все страны вечерняя» (С. 738); у Пушкина: «В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море» [4. С. 380].

2. Следующим повторяющимся мотивом является описание ландшафта и упоминание природной горизонтали. У Ломоносова: «Ровную и низкую

земли плоскость подостлала натура» (С. 739). У Пушкина: «Один у низких берегов» (С. 381).

3. Далее в обоих произведениях контрастом по отношению к природной горизонтали показана архитектурная вертикаль. Ломоносов пишет: «<...> хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят» (С. 739). В следующем предложении упоминаются «великолепные Монаршеские дома» (Там же). У Пушкина этому фрагменту также находится соответствие: «Громады стройные теснятся / Дворцов и башен» (С. 381).

4. Следующий мотив — обилие кораблей. У Ломоносова идет речь о «плавающих многочисленных судах разнаго рода» (С. 739), у Пушкина: «корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся» (С. 381).

5. Далее рассмотрим вместе два повторяющихся мотива, которые помещены у Ломоносова и Пушкина рядом, правда, порядок их следования в двух текстах неодинаков. Это мотив стройности Петербурга и мотив соперничества между новой и старой столицами. У Ломоносова сначала речь идет о «строгом, стройном виде» города: «Взойдет кто на высокое здание, увидит, кругом осматривая, якобы плавающая на водах дома и токмо разделенныя прямыми линиями, как бы полки, поставленные урядными строениями» (С. 739) — отметим попутно, что здесь мотив идеального геометрического облика города осложняется сравнением, в результате которого подключаются военные коннотации. В следующем фрагменте Ломоносов говорит о Петербурге и Москве: «Церквей благоговейное множество, хотя числом старинной столице уступает Петрополь, но красотою превосходит. Она древностию благороднее, сей новостию счастливее, чуднее скорым возвращением, основателем преславнее» (Там же). У Пушкина последовательность иная: сначала говорится о соперничестве между двумя столицами («И перед младшею столицей / Померкла старая Москва»), а затем следуют строки «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид» (С. 381). Для нас важно отметить, что эти два мотива вместе появляются в соседних фрагментах обоих рассматриваемых текстов.

6. Наконец, в последних частях панегириков опять-таки повторяются сходные топосы. В первую очередь это описание жизни города, соотнесенной с различными временами года, причем с особым акцентом на празднично-развлекательные события. Ломоносов пишет: «Соответствуют сему многоразличные народныя увеселения и удовольствия своими переменами по местам и по временам года». Далее он говорит о «выездах в увеселительные дома» «по вступлении весны», особо отмечает «скрытие и отверстие рек» и «звучныя обучения полков и торжественных дней изьявление пальбою» (С. 740). Пушкин, в отличие от Ломоносова, описывает летний, потом зимний, потом весенний Петербург, но в соответствующем фрагменте его вступления

находится соответствие каждому из отмеченных только что ломоносовских мотивов. Он также пишет о городских увеселениях («И блеск, и шум, и говор балов, / А в час пирушки холостой / Шипенье пенистых бокалов / И пунша пламень голубой» (С. 382)), затем описывает военную столицу (ломоносовским «звучным обучением полков» соответствует у Пушкина «пехотных ратей и коней однообразная красивость», «пальба» у Ломоносова соотносится с «дымом и громом твердыни» у Пушкина), у Пушкина также повторяется мотив весеннего «отверстия рек»: «Или, взломав свой синий лед, / Нева к морям его несет» (Там же).

Итак, сопоставительный анализ показывает, что ломоносовский и пушкинский тексты не просто содержат повторяющиеся образы и топоры, но что и их последовательность в обоих текстах является в значительной степени идентичной. Используя терминологию классической риторики, можно сказать, что два описания Петербурга обладают сходством не только на уровне *inventio* (изобретения), но и на уровне *dispositio* (расположения).

Конечно, ни в коем случае нельзя говорить о полном соответствии ломоносовского текста и пушкинского; прежде всего потому, что последний наделен немислимой в литературе XVIII века смысловой глубиной и неисчерпаемостью. Р. Николози справедливо называет петербургскую литературу XIX века постпанегирической и говорит о том, что «в таких текстах, как “Прогулка в Академию художеств” К.Н. Батюшкова (1814), “Петербург” П.А. Вяземского (1818), “Петроград” С.П. Шевырева (1829) и особенно “Медный всадник” Пушкина (1833), топические элементы “истощенного” панегирика деконтекстуализировались и встраивались в новый философский, исторический (историософский) и литературный контекст» [3. С. 186]. На мотивном уровне тексты существенно отличаются: у Ломоносова есть множество мотивов, которых нет у Пушкина, и наоборот. Однако в целом представленный материал демонстрирует значительное сходство композиционной структуры двух описаний Петербурга. Повторяющиеся элементы ощущаются как некий риторический каркас, который скрепляет описание города и у Ломоносова, и у Пушкина.

Как можно это интерпретировать? Прежде всего, можно было бы предположить, что ломоносовское слово — это один из источников «Медного всадника». Однако непосредственным источником ломоносовская речь для Пушкина быть не могла. «Слово благодарственное на освящении Академии художеств» впервые было опубликовано А.С. Будиловичем в книге «Ломоносов как писатель» (СПб., 1871). Но исследователи «Медного всадника», выявляя те или иные переключки между пушкинской поэмой и другими произведениями, зачастую предпочитают не говорить о заимствованиях, а использовать термин «диалогизм». Так, например, Н.А. Рябина отмечает: «Представление о “влиянии” и, более конкретно, “заимствовании” в основании своем

связано с актом некоего перенесения в ткань произведения готовых художественных формул, “чужих” слов, мотивов, образов, имен и т. д. Это представление, предполагающее неподвижность, несопротивляемость “чужого” “материала” в процессе его художественного освоения, существенным образом меняется, когда мы обращаемся к пушкинской эпохе» [5]. Если посмотреть на рассмотренный нами материал с этой точки зрения, то можно сказать, что обнаружение при сопоставлении мотивной структуры и — что кажется более важным — композиции двух описаний Петербурга у Ломоносова и у Пушкина некоего единого риторического каркаса позволяет на новом материале (не торжественной оды, а ораторской прозы) еще раз увидеть, как Пушкин вступает в диалог с панегирической литературой XVIII века. Восходящий к античности риторический канон *descriptio urbis* [3. С. 131–132], в рамках которого в петербургской литературе середины XVIII века формируется собственно петербургская топики [Там же. С. 155], без значительных изменений сохраняется в пушкинской поэме, представляющей собой ядро петербургского текста.

Литература

1. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10 т. М. — СПб., 2011–2012. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 гг. М. — СПб., 2011. Далее указ. только стр.
2. Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 158–196.
3. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М., 2009.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Изд. 3-е М., 1962–1965. М., 1963. Т. 4. Далее указ. только стр.
5. Рябина Н.А. К проблеме литературных источников поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 80–83.

Санкт-Петербургский государственный университет /
Институт лингвистических исследований РАН